

Психическое развитие детей, переживших массовые бедствия: от изучения последствий к проектированию развития на основе культурно-исторического анализа

Н.С. Бурлакова
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 20 декабря 2017 / Принята к публикации: 10 января 2018

Mental development of children who survived mass disasters: from consequences studying to development designing on the basis of cultural and historical analysis

Natalia S. Burlakova
Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia

Received December 20, 2017 / Accepted for publication: January 10, 2018

Актуальность (контекст) тематики статьи. Тема психологических последствий массовых бедствий для детей и подростков (жертв природных и техногенных катастроф, военных конфликтов, терроризма), а также соответствующих рисков, угроз для их психического развития недостаточно освещена в современной психологии. Трудности осуществления исследований обуславливают их относительную малочисленность применительно к детской популяции.

Цели проведенного аналитико-теоретического исследования: изучение общего состояния проблемы и наиболее обсуждаемых современных моделей влияния опыта переживания массовых бедствий на психологическое самочувствие детей и подростков – жертв и очевидцев массовых природных, социоантропогенных и техногенных катаклизмов; культурно-исторический анализ проблематики; обсуждение центральных дискуссионных вопросов в отношении профилактики деструктивных психологических реакций у подрастающего поколения.

Описание хода исследования. В теоретико-аналитическом исследовании последовательно рассмотрена палитра представлений о психологических последствиях массовых бедствий для подрастающего поколения от наиболее исторически ранних до современных. Представлен критический анализ основных методологий, на основе которых построена большая часть современных исследований и, наконец, в завершении статьи показаны возможности системного культурно-исторического анализа в русле данной проблематики, включая вопросы превенции деструктивных психологических реакций.

Результаты исследования. Проведенный анализ обнаружил частичность и разнообразие исследовательских моделей, нередкую противоречивость выводов, сделанных на основе их исследовательской разработки, дискуссионность в отношении вопросов профилактического вмешательства.

Выводы. Показаны интегративные возможности культурно-исторического анализа в том числе, и по отношению к методологии ранее осуществленных исследований, возможностей проектирования профилактических и превентивных мер, повышающих психологическую устойчивость детей и подростков к травматическим последствиям переживания экстремальных ситуаций. Суть предлагаемого подхода состоит в культурно-историческом понимании внутренних и внешних причин и механизмов порождения разнообразных травматических реакций и расстройств (ПТСР), характера помощи и работы с ними, а также в возможностях диагностики «слабых мест», готовности к развитию таких расстройств в условиях определенного общества.

Ключевые слова: дети, подростки, психологические последствия переживания массовых катастроф и бедствий, психическое развитие, ПТСР, культурно-исторический анализ, профилактика, проектирование развития.

Background. The topic of the psychological consequences of mass disasters for children and adolescents (victims of natural and man-made disasters, military conflicts, terrorism), and also the corresponding risks, threats to their mental development is insufficiently covered in modern psychology. Difficulties in carrying out research cause their quite a small number in relation to the children's population.

The Objective of the analytical theoretical research is 1. to study the general state of the issue and the most discussed modern models of experiencing mass disasters and its impact on the psychological well-being of children and adolescents who are victims and witnesses of mass natural cataclysms, socio-anthropogenic and technogenic catastrophes; 2. to conduct cultural and historical analysis of the issue; 3. to handle central discussion issues regarding the prevention of destructive psychological reactions in the younger generation.

Progress Report. In the theoretical and analytical research, an array of ideas about the psychological consequences of mass disasters for the younger generation is consistently considered from the early historic periods up to modern days. A critical analysis of the main methodologies that lie in the basis of most modern research is presented, and finally, the paper considers the possibilities of systematic cultural and historical analysis in the framework of the issue stated in the title, including the prevention of destructive psychological reactions.

Research Results. The analysis has revealed the partiality and diversity of research models, the often inconsistent conclusions drawn on the basis of their research development; discussion on issues of preventive intervention.

Conclusion. The integrative possibilities of cultural and historical analysis are shown, including the methodology of the research carried out earlier, the possibilities of designing preventive measures that increase the psychological stability of children and adolescents to the traumatic consequences of extreme situations. The essence of the proposed approach is the cultural and historical understanding of internal and external causes and mechanisms of various posttraumatic stress disorder (PTSD), the nature of care and work with them, and also in the possibilities of diagnosing «weaknesses», premises for the development of such disorders in the conditions of a society.

Keywords: children and adolescents, psychological consequences of experiencing mass catastrophes and disasters, mental development, PTSD, cultural and historical analysis, prevention, development planning.

В последние десятилетия резко усилилось влияние последствий массово переживаемых травматических событий: террористических атак, войн и стихийных бедствий на психологическое самочувствие, здоровье граждан, да и всего общества в целом. Острая актуальность посвященных этому исследований, обусловленная, в том числе социально-экономической значимостью проблемы, неоднократно отмечалась рядом авторов (Психология посттравматического стресса, 2007).

Приходится признать, что жизнь в условиях современного общества неразрывно связана с угрозой опасности. Техногенные катастрофы, природные катаклизмы, социо- и антропогенные бедствия, вызовы со стороны терроризма стали почти неотъемлемой частью повседневной жизни. В условиях возросшего их количества риску подвержены как взрослые, так и дети. По данным современных исследователей, ежегодно миллионы детей во всем мире переживают ужасы войны, военных конфликтов, последствий терроризма и иных массовых бедствий (лесных пожаров, наводнений и пр.). Чтобы представить себе масштабы происходящего достаточно знать следующее: если в конце 1990-х гг. примерно 10 тысяч человек ежедневно становились беженцами, то на сегодняшний день из-за возникших новых горячих точек на Ближнем Востоке и в других регионах мира их число увеличилось в несколько раз.

Угрозу благополучию детей представляют и сами различного рода природные и социоантропогенные бедствия, и их последствия, которые усиливают нестабильность ситуации и травматические переживания. Физические опасности, связанные с бедствием, голод, физические травмы, загрязнение воды, токсины, радиация и др., а также невозможность

удовлетворения потребности детей в медицинской помощи, в заботе и уходе на прежнем уровне соседствуют с искажением многих аспектов повседневной жизни: разрушением жилищ, школ, систем связи, нарушением привычной экономической жизни районов и т.д. Бедствия могут иметь огромные экономические последствия, повлечь за собой обнищание и бедность, что не может пройти бесследно для здоровья и психологического благополучия родителей и их детей.

Пристальный интерес современных исследователей сосредоточен как на последствиях, наиболее приближенных к травматическому опыту, так и на долгосрочных эффектах влияния травм, катастроф на развитие, здоровье, психологическое самочувствие и реакции на стресс у будущих поколений. Активно проходят научные дискуссии на эти темы. Появляются все больше доказательств того, что

у будущих поколений имеют долгосрочный характер. Разрушительные реакции на длительный стресс передаются от взрослых к детям. Родительские способы борьбы со стрессом и негативными эмоциями оказывают безусловное влияние на характер адаптационных возможностей детей (Портнова, 2005; Падун, 2017). Так, начиная с самого раннего возраста, дети умеют «считывать» страх и озабоченность своих родителей. Известно, что испуганные родители передают реакции паники и страха своим детям. Обратное также справедливо: ужас, тревога и страх, испытываемые ребенком, не оставляют безучастными родителей, они вызывают у них не менее сильные страдания. Образуется своего рода замкнутый круг – реакции родителей вызывают, подкрепляют и усиливают реакции детей, что определяет новый виток интенсивных негативных переживаний родителей и т.д.

Пристальный интерес современных исследователей сосредоточен как на последствиях, наиболее приближенных к травматическому опыту, так и на долгосрочных эффектах влияния травм, катастроф на развитие, здоровье, психологическое самочувствие и реакции на стресс у будущих поколений

и у животных, и у человека стресс матери, возможно, оказывает эффект «программирования» экспрессии генов и организации стресс-иммунной системы у плода и ребенка в постнатальном периоде развития. Обсуждается также воздействие на развитие плода длительно переживаемого отцом стресса на момент зачатия ребенка.

Такого рода данные, по всей видимости, свидетельствуют о том, что неблагоприятные ситуации, испытанный в детстве длительный стресс могут иметь долгосрочные и, даже, трансгенерационные последствия для человека. То есть, влияние травм и катастроф на развитие, здоровье, психологическое самочувствие, благополучие и реакцию на стресс

Психологическую опасность для детей представляют, помимо уже сказанного, угроза их близким, прямое наблюдение страшных событий, либо их отражение в СМИ, угроза насильственных действий, переживание вины за происходящее. Чем младше дети, тем более выражено у них переживание массовых травматических событий и сильнее воздействие на них зрительных образов СМИ, переживаемого родителями страха, а также отсутствия связи с ними (McDermott et al., 2005; Otto et al., 2007). Анализ долгосрочных перспектив переживания катастроф, прежде всего, культурно обусловленных (например, наиболее исследованный в зарубежной психологии опыт переживания Холокоста) показывает, что травматический опыт сохраняется на протяжении жизни нескольких поколений и определяет их национальную и личную идентичность (Бурлакова, 2016).

Выделим актуальные вопросы переживания массовых бедствий детьми, находящиеся в фокусе внимания исследователей разных стран. Как влияют переживаемые массовые катаклизмы на психологическое самочувствие, благополучие и раз-

Наталья Семеновна Бурлакова – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры нейро-и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: naburlakova@yandex.ru
<https://istina.msu.ru/profile/BurlakovaNataliaSemenovna/>

вите подрастающего поколения? Стоит ли, с учетом особенностей жизни современного общества, превентивно готовить детей к потенциальному риску массовых бедствий? Не сделают ли эти воздействия детей, имеющих незрелую психику, легко подверженных внушению, напротив, сверхчувствительными и болезненно ранимыми всю их последующую жизнь? Не станет ли само превентивное вмешательство травматичным для детской психики? Если все же стоит готовить детей к риску массовых бедствий заранее, то каким должно быть профилактическое вмешательство? Как сделать так, чтобы последствия испытанных массовых бедствий были по возможности минимизированы, не оказали пагубное влияние не только на подрастающее поколение, но и на поколение, следующее за ним?

Эти вопросы создают некоторый общий контекст, «рамку» для приводимых далее конкретных наблюдений и частных эмпирических исследований, что позволяет, оттолкнувшись от них, перейти в завершающей части статьи к обсуждению возможностей системного культурно-исторического анализа в русле данной проблематики, в том числе и по отношению к методологии ранее осуществленных исследований.

Воздействие на психологическое самочувствие детей массовых бедствий

Отметим, что проведение исследований, касающихся психологических последствий серьезных бедствий, не только сложно, но и нередко сопряжено с рядом непреодолимых трудностей. Среди них риск повторного психологического травмирования людей в ходе исследования, угроза травмирования имеет место и по отношению к самим исследователям. Довольно непредсказуемыми, а иногда и просто опасными могут быть сами условия (экономические, политические, социальные и пр.), в которых находятся пострадавшие и обращающиеся к ним с исследовательской целью ученые. Лонгитюдные исследования трудноосуществимы и потому, что люди склонны мигрировать, удаляться от мест, где их настигла беда. Ощущается также дефицит мето-

дов, подходящих исследуемой психологической реальности с учетом возраста респондентов и особенностей культуры, к которой они принадлежат. Все указанные проблемы наиболее остро ощущаются при изучении детской популяции в условиях масштабных социальных и природных катаклизмов.

Обратимся к исторически наиболее ранним исследованиям в этой области, которые касались влияния войны на психическое развитие ребенка. Одной из первых большую исследовательскую работу по изучению последствий военных действий на развитие детей осуществила Анна Фрейд. Она же, возможно впервые, задумывается о необходимости психологических рекомендаций по минимизации переживаемых детьми травматических последствий (Бурлакова, Олешкевич, 2016). В 40–50-е гг. прошлого века появились работы А. Фрейда, написанные в соавторстве с Д. Барлингейм и С. Данн. В книге А. Фрейд и Д. Берлингейм «Война и дети» (с опорой на опыт наблюдений и тематических исследований в сочетании с клинической рефлексией) отмечается, что у детей, подвергшихся бомбардировкам и другим ужасам войны, наблюдались признаки «травматического шока». Однако дети, рядом с которыми были их матери или люди, заменяющие их, психологически находились в более благоприятном состоянии, по сравнению с теми детьми, у которых родители погибли либо находились в удалении от них. Вывод о защитном эффекте близости с родителями и другими фигурами привязанности в разгар страшных событий продолжает оставаться одним из наиболее устойчивых выводов, подтверждаемых и в современных исследованиях о войне и других экстремальных происшествиях.

Тема ранней потери значимого взрослого, объекта привязанности у детей-сирот, освобожденных из концентрационного лагеря Терезин и лечившихся в Англии, обсуждалась А. Фрейд и С. Данн. Со временем многочисленные эмоциональные и поведенческие проблемы этих детей существенно сглаживались, а их психологическое самочувствие улучшалось, но, тем не менее, у значительно числа детей оставались психологические «раны» и «повреждения» – особые

зоны уязвимости и сверхчувствительности. Смешанная картина устойчивости и уязвимости в долгосрочной перспективе вследствие чрезмерных и продолжительных травматических воздействий отмечалась и подтверждалась неоднократно, она является характерной для детей, переживших ужасы войны (Dybdahl, 2001).

Опыт наблюдений за такими детьми и их реабилитацией позволил А. Фрейд сформулировать и поныне актуальный для практик психологического вмешательства вопрос: существует ли принципиальная возможность восполнения необходимого для развития дефицита, позитивного эмоционального опыта, относящегося к достаточно ранним детским переживаниям? Открытые и скрытые дискуссии психологов и психотерапевтов по этому вопросу не утихают, продолжаясь по сей день (Бурлакова, Олешкевич, 2016).

Со временем в поле исследований попали и психологические последствия иных пережитых массовых бедствий. В зарубежной психологии наиболее известны два примера:

1. Исследования о психологических последствиях трагедии, происшедшей в 1972 в шахтерских поселениях в Западной Виргинии, в долине р. Буффало-Крик, где из-за наводнения обрушилась плотина. Это привело к гибели 125 человек, многочисленным ранениям и разрушениям (Gleser et al., 1981). Имеются данные о том, что произошло с выжившими спустя 17 лет после бедствия (Green et al., 1994);
2. Исследования последствий лесного пожара в Австралии в 1983 г. для психологического благополучия детей (MacFarlane, 1987). Также имеются данные о состоянии пострадавших по прошествии 20 лет (MacFarlane & Van Hooff, 2009).

В обоих исследованиях подчеркивается, что, хотя с течением времени происходило восстановление психического состояния пострадавших детей, однако по сравнению с контрольной группой (дети из соседнего региона, где не происходило подобных событий), пострадавшие демонстрировали более высокий уровень симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Это демонстрирует долгосрочное воздействие на

Потери близких людей переживаются детьми, перенесшими крупномасштабное бедствие, значительно тяжелее, чем какие-либо материальные потери. Возможность находиться вместе с родителями, которые были способны оказать поддержку и сохраняли готовность действовать, играли решающую роль в восстановлении здоровья детей, включая их психологическое состояние

детей пережитого болезненного опыта. Так, например, спустя 20 лет у жертв лесных пожаров был обнаружен относительно высокий уровень ПТСР-симптомов: навязчивости и чрезмерного возбуждения, связанных с огнем (MacFarlane & Van Hooff, 2009). Тяжесть ПТСР была выше у тех переживших пожар, у кого в жизни имелось и другое травматическое событие (как правило, последующее), что, по всей видимости, связано с интегральным эффектом от многократного травмирования, а также с моделями «сенситизации», которые связывают предыдущие и последующие травматические воздействия (MacFarlane & Van Hooff, 2009).

Потери близких людей переживаются детьми, перенесшими крупномасштабное бедствие, значительно тяжелее, чем какие-либо материальные потери. Возможность находиться вместе с родителями, которые были способны оказать поддержку и сохраняли готовность действовать, играли решающую роль в восстановлении здоровья детей, включая их психологическое состояние (Garmezy, Rutter, 1985). Так, прочные семейные отношения обуславливали психологическую устойчивость детей, подвергшихся политическому насилию в Палестине (Qouta et al., 2008).

Психологические особенности детей, переживших тяжелое травматическое событие

Длительные наблюдения позволили выделить следующие особенности, присутствующие у детей, переживших тяжелое травматическое событие:

- угнетающие, навязчиво воспроизводимые воспоминания о событии;
- многократное воспроизводство трагического эпизода в играх, снах, повторяющихся зрительных образах либо в поведенческих идиосинкразиях;
- специфические страхи, связанные с травмой;

– изменения отношения к сверстникам и взрослым людям, к различным аспектам жизни и к будущему (Fert, 1991).

Часто дети начинают плохо учиться, неспособны или с трудом способны обучаться чему-то новому, становятся вялыми, эмоционально и поведенчески заторможенными, могут жаловаться на большое количество неприятных телесных ощущений. Среди других тяжелых симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у детей выделяют нарушения сна, желание находиться постоянно рядом с родителями, нежелание спать одному, временную утрату прежних навыков, повышенную настороженность и подозрительность, депрессию, сильную тревогу вплоть до панических эпизодов, повышенную раздражительность, эксплозивные реакции, чувство вины и др. (Юл, Уильямс, 2001). По мере смены этапов переживания травмы острые реакции на травматические события видоизменяются, отражая стадийный характер происходящей личностной переработки опыта.

Модели влияния крупномасштабного травматического события на здоровье и психологическое самочувствие детей и подростков

Несмотря на существование широкого круга моделей, описывающих влияние травматического события (Тарабрина, 2012), в относительно немногочисленных исследованиях, посвященных именно детям, более всего обсуждаются две центральные модели: модель «дозы» рисков факторов и возникшей реакции на их совокупность и системно-динамическая модель адаптации.

Модель «дозы–реакции». Согласно этой модели, чем выше степень риска, тем больше и интенсивнее последствия, испытываемые индивидуумом. Градиенты «дозы–ре-

акции» являются устойчивым предметом рассмотрения в работах, посвященных детям, попавшим в ситуацию масштабного бедствия (Garmezy & Rutter 1985; Furr et al., 2010; Masten & Osofsky, 2010; Norris et al., 2002). Дети, как правило, демонстрируют большее число нарушений, реагируя на более тяжелые события в их жизни. Последние имеют несколько параметров оценки: тяжесть однократного воздействия, накопление воздействия множественных травм или тяжелых ситуаций, их взаимосвязь с нарушениями отношений со значимыми другими (потеря связи с заботящимися взрослыми, воспитателями, насилие, угрожающее этим отношениям, например, когда один из родителей выступает в качестве жертвы или виновника насилия). Так, дети из Шри-Ланки, пережившие цунами, демонстрировали ухудшение психического функционирования и увеличение серьезных симптомов ПТСР по мере сочетанного накопления числа травматических событий (военные действия, жестокое обращение в семье, потеря близкого человека, друга) или же в силу обстоятельств максимально ощутимого травматического воздействия бедствия (нахождение в его эпицентре) (Catani et al., 2010).

Вместе с тем, в исследованиях палестинских детей в Газе были описаны криволинейные эффекты: адаптивное поведение снижается по мере повышения воздействия невзгод, а затем на экстремальных уровнях начинает снова расти (Qouta et al., 2008). Предположительно, дети, подростки и юноши, занятые национальной политической борьбой, переживали порыв и вдохновение, что позволило им отреагировать на травматическую ситуацию, воспринимаемую ими как крайняя степень политического насилия, с еще большей силой и героизмом.

Анализируя вышеприведенные исследования, стоит отметить, что необходимо учитывать социальные, культурные и политические условия, в которых происходят массовые бедствия, а также роль идеологии. Поэтому следует не только осуществлять изучение «дозы» травматического опыта и эффектов травмы на психологическое благополучие и психическое здоровье населения, но и расширять теоретические и методологические рамки исследований.

Влияние факторов времени, возраста, пола, сензитивных периодов развития на характер детских переживаний

По понятным причинам исследователи не располагают данными, касающимися состояния пострадавших до возникновения массовых бедствий.

Данные, полученные о влиянии различных факторов (времени после травмы, возраста, пола) на реакцию пострадавших на массовые бедствия и их последующие переживания, отражают целый ряд зависимостей. Так, в отношении фактора времени наблюдалось следующее: травматические эффекты убывают со временем. Это было показано в исследованиях, проводившихся на протяжении года после травматического события. Выявились также, что зависимость «дозы–реакции» выше у детей, чем у взрослых (Furr et al., 2010).

Ряд исследователей обращают внимание на сложность и неоднозначность переработки травматического события спустя время. Так, спустя год после трагедии в Беслане выяснилось, что эти события по-разному сказались на психическом состоянии разных категорий населения в зависимости от их индивидуальных характеристик и от степени вовлеченности (Солдатова, Шайгерова, Шляпников, 2008; Зинченко, Солдатова, Шайгерова, 2011). Дети и взрослые (как бывшие заложники, потерявшие близких, так и другие жители, не затронутые непосредственно терактом) реагировали на перенесенный экстремальный жизненный опыт по-разному. Большинство опрошенных говорило о психологически комфортном состоянии, которое включало демонстрируемые позитивные эмоции: бодрость, силу, мужество, но оно входило в диссонанс с неосознаваемым уровнем переживаний, где доминировал эмоциональный комплекс враждебности (реакции гнева, отвращения и презрения), направленный у взрослых на внешнее окружение, у детей – на самих себя.

Указывается и на влияние фактора возраста: чем старше ребенок, тем более тяжелым переживаниям он подвержен после трагических событий (Masten & Osofsky, 2010). Это связывают с более глубоким осознанием происходяще-

го (когнитивное развитие), большей мобильностью, значительным прямым воздействием сообществом и СМИ, более экспансивным влиянием социальных сетей, а также с более высокой вероятностью для старших детей и подростков принять участие в войне, подвергнуться насилию, принять участие в устранении последствий стихийных бедствий.

В редком среди исследований опросе о воздействии катастрофы были проанализированы данные касательно виктимизации 1000 подростков в возрасте от 10 до 17 лет и 1030 опекунов детей в возрасте от 2 до 9 лет. Исследователей интересовала степень риска, которой подвержены дети разного возраста в связи с жестоким обращением и катастрофами, в т.ч. террористическими актами и стихийными бедствиями. В обеих группах на основании опроса в первом случае детей, во втором – их опекунов, была выявлена зависимость – чем старше ребенок, тем выше воздействие неблагоприятных ситуаций на него (Becker-Blease et al., 2010). Возрастно-специфические особенности реагирования детей и подростков на массовые бедствия были изучены Х.В. Гаспаряном. Он исследовал армянских детей и подростков, переживших военные действия в Нагорном Карабахе и вынужденное переселение, а также детей, переживших землетрясение. В исследование не были включены дети с психопатологическими реакциями на стрессовые события (ПТСР), что позволяло выделить возрастно-психологический фактор в реагировании на трудные жизненные ситуации. Выяснилось, что в дошкольном и младшем школьном возрасте последствия пережитой трудной жизненной ситуации в большинстве случаев проявлялись регрессивными проявлениями, страхами, не связанными с массовыми бедствиями. В предпубертативном возрасте отмечались функциональные психосоматические и двигательные способы переживания трудной жизненной ситуации. У подростков пережитые трудные жизненные ситуации провоцировали импульсивные поведенческие реакции, негативизм, возрастание агрессивных проявлений, но инициировали также поиск новой идентификации, переоценку ценностей, возрастание интереса к истории, национальным символам, патриотическим песням (Гаспарян, 2003).

Изучались также гендерные различия в переживаниях ситуаций бедствий. Анализ результатов исследований палестинцев, проживающих в секторе Газа, показал, что родители в экстремальных, угрожающих жизни ситуациях, как правило, защищают и оберегают девочек, при этом допуская или даже вдохновляя мальчиков на участие в конфликтах. Тем самым они существенно дифференцируют степень воздействия этих конфликтов на детей в зависимости от пола (Qouta et al., 2008). В другом исследовании было выявлено, что через девять месяцев после крупной промышленной аварии в Тулузе (Франция) в 2001 г. в обеих группах и младших девочек-подростков (в возрасте от 11 до 13), и девочек-подростков постарше (от 15 до 17) чаще наблюдаются посттравматические симптомы, чем в любой возрастной группе мальчиков. Через два года после наиболее разрушительного за всю историю США урагана Катрина в 2005 г. у девочек и девушек в возрасте от 9 до 18 лет отмечалось большее количество симптомов депрессии и посттравматических симптомов, чем у мальчиков (Kronenberg et al., 2010).

Вместе с тем существует большое количество нюансов в обсуждении гендерных различий, которые подвергают сомнению однозначные выводы и подвигают на поиск более сложных взаимосвязей. Например, после одного из терактов в Израиле девочки демонстрировали больше симптомов ПТСР и страха, чем мальчики, но зато симптомы мальчиков были гораздо более тяжелыми (Laufer & Solomon, 2009). Другое исследование, проводившееся после пожара, выявило, что девочки чаще осознавали угрозу, но не так сильно, как мальчики, страдали от посттравматического синдрома (McDermott et al., 2005).

В соответствии с психологией развития, безусловно, должна быть принята во внимание также связь переживаний детей с сензитивными периодами их развития. Либо в силу особой уязвимости ребенка в этот период, либо в связи с тем, что переживаемый конкретный опыт становится ключевым, может произойти остановка развития или существенное изменение его траектории после переживания трагических событий. В последнем случае значимость и массивность опыта опре-

деляют функционирование адаптивной системы, которая «программирует» ответ на экстренную травматическую ситуацию и не способна подготовить организм к последующему воздействию окружающей среды. Результаты исследований, проведенных на животных, и значительное количество данных относительно человека убедительно показывают, что травмы и стресс имеют различные последствия для адаптации и развития организма на разных его этапах. Если такой опыт организм получит в неудачное время, то это может привести к нарушению развития, долгосрочным негативным последствиям для способности к адаптации, увеличению уязвимости к последующим травмам.

Вероятность того, что экстремальный стресс, испытываемый матерью, может изменить условия развития ее детей, имеет большое значение для исследований путей, которыми травмы могут быть переданы следующему поколению

На сегодняшний день одним из наиболее спорных вопросов по этой проблеме, обсуждаемых в современной литературе, является вопрос о влиянии крайнего психического напряжения, возникающего от страха или несчастья у матери в пренатальный период развития ребенка либо в его раннем младенчестве, на «программирование» реакций на стресс во время сензитивных периодов развития ребенка. Выявлено, что младенцы женщин, чьи близкие пострадали или находились в опасности во время теракта 11 сентября в Нью-Йорке, и у которых наблюдались симптомы посттравматического стресса, имеют более низкий уровень кортизола в слюне, чем дети матерей, у которых не проявились такие симптомы (Yehuda et al., 2005). Кроме того, чем тяжелее было воздействие теракта на матерей, тем ниже был уровень кортизола у их младенцев. Особенно низкими эти показатели были, если мать в это время была в третьем триместре беременности. Вероятность того, что экстремальный стресс, испытываемый матерью, может изменить условия развития ее детей, имеет большое значение для исследований путей, которыми травмы могут быть переданы следующему поколению. Последствия, вероятно, могут повлечь за собой нейробиологические изменения, которые могут повлиять на будущую уязвимость к травмам.

Системно-динамическая модель адаптации и ее значение для построения практик профилактического вмешательства

На сегодняшний день построение психологических программ сохранения и восстановления психологического здоровья детей все чаще опирается на результаты исследований и прикладных разработок в русле системного и динамического подхода к процессам адаптации. С этой точки зрения, адаптация к опыту массовых травм и бедствий понимается как динамический процесс с участием нескольких взаимодействующих

систем в рамках отдельного организма и многих взаимодействий индивида со сложными меняющимися условиями, в том числе отношений с другими людьми и многими взаимосвязанными системами естественной и антропогенной среды (Cicchetti, 2010; Masten, 2011). Данная модель использует теорию экологических систем У. Броннфенбреннера, хорошо известную в отечественной науке (Bronfenbrenner, 1979).

Особое значение в этой модели придается такому понятию, как *устойчивость системы*. Под устойчивостью понимают способность динамической системы выдерживать напряжение или восстанавливаться после серьезных проблем, которые угрожают стабильности такой системы. Устойчивость является динамическим понятием, применимым ко многим системам различного масштаба, включая системы внутри человека (например, система реакций на стресс), человека как целой системы, семьи как системы, общества или коммуникативной системы, экосистемы. Анализ таких факторов, как самоконтроль, умение решать проблемы, доверительные отношения с компетентными воспитателями, наличие хороших школ, безопасного соседства демонстрирует, что адаптивная способность к устойчивости в контексте значительных угроз развитию во

многом зависит и от фундаментальных адаптивных систем внутри человека, и от его отношений, семьи, друзей, сообществ и культуры, к которым он принадлежит (Masten, 2011, 2012). Данные адаптивные системы могут быть повреждены вследствие серьезных несчастий (например, один из родителей убит, сообщество разрушено). Понятия о таких адаптивных системах часто лежат в основе представлений о защите психики детей и содействии ее восстановлению в послевоенный период и после стихийных бедствий.

Способность к устойчивости у конкретного ребенка будет зависеть от сочетания множества факторов, включая уровень его развития, статус и способности, связь с социальной группой, а также наличия других потенциальных адаптивных систем. Сложные процессы адаптации, связанные с последствиями массового бедствия, будут зависеть от множества взаимодействий на разных уровнях функционирования ребенка.

Многие ученые отмечают, что необходимо уделять больше внимания вопросу развития в контексте процессов адаптации, особенно их изменениям с течением времени в сочетании с изменениями, обусловленными вмешательствами специалистов. На развитие ребенка оказывают воздействие полученный им жизненный опыт и биологические предпосылки устойчивости или, наоборот, неустойчивости к стрессу. Эти факторы могут обуславливать усиление его чувствительности к травматическому воздействию, что необходимо учитывать при оценке эффективности мероприятий, связанных с вмешательством после травмы. В литературе содержится крайне мало информации, в том числе результатов использования статистических методов анализа, о долгосрочных результатах воздействия бедствий, столь же мало данных и о том, какие виды профилактического вмешательства могут быть наиболее эффективными, для кого и когда.

Последствия травматического опыта можно описывать *динамически*. Эффекты травматического опыта могут распространяться с течением времени из одной жизненной сферы в другую, от одного уровня к другому, от одного человека к другому, переходить от одного поколе-

ния к другому через множество посреднических процессов. Эти эффекты получили название прогрессивных, транзакционных или каскадных последствий. Нарушение адаптивного поведения в одной из областей функционирования может распространиться и на другие сферы поведения. В случае терроризма, войны или массового насилия преступники имеют очевидную цель распространить страх и ужас на большие группы людей. При этом косвенные участники событий переживают не меньшие потрясения, чем те, кого это непосредственно коснулось (Ениколопов, Лебедев, Бобосов, 2004; Тарабрина, Быховец, Ворона, 2009), что может иметь долгосрочные последствия для последующих поколений (Yehuda et al., 2005).

Позитивная адаптация, защитный эффект и устойчивость также потенциально могут распространяться как на отдельных лиц, так и целые поколения или группы населения (Masten & Cicchetti, 2010). Это подпитывает интерес исследователей к стратегиям профилактики и вмешательства, направленным на достижение позитивного каскадного эффекта для того, чтобы подготовить и защитить отдельные лица и сообщества не только в ближайшее время, но и в долгосрочной перспективе (Patterson et al., 2010).

«Тренировочные воздействия»: за и против

По мнению ряда исследователей, предыдущий травматический опыт обуславливает лучшую реакцию на последующий такой опыт (по аналогии с «прививкой» и процессом создания антител в результате вакцинации), поскольку организм выработал защитный эффект адаптации к легкому или умеренному воздействию. По мнению других, травматический опыт вызывает худшую реакцию, повышает уязвимость субъекта (модель увеличения чувствительности, сенсбилизации). Как указывает Г. Боанно, на сегодня есть ограниченное число предполагаемых доказательств той и другой гипотезы, в то время как ретроспективные данные свидетельствуют о смешанном эффекте как текущих симптомов у субъекта, так и прошлого опыта переживания травмы (Bonanno et al., 2010).

Если следовать аналогии с «прививкой», то необходимо обеспечить оптимальное количество мер, направленных на создание потенциала устойчивости и адаптивного ответа, чтобы избежать

Эффекты травматического опыта могут распространяться с течением времени из одной жизненной сферы в другую, от одного уровня к другому, от одного человека к другому, переходить от одного поколения к другому через множество посреднических процессов. Эти эффекты получили название прогрессивных, транзакционных или каскадных последствий

риска кризиса или истощения способности к устойчивости. Но у сторонников «прививок», результатом которых станет якобы возросший уровень адаптивности и устойчивости к последующим массовым бедствиям, есть немало противников. Они утверждают, что используя эти «тренировочные воздействия» удастся достигнуть прямо противоположного – появится искусственно вызванная уязвимость к последующему травматическому воздействию. Аргументами служат эффект накопления травм (кумулятивный эффект) и примеры усиления чувствительности к последующему травматическому воздействию, проявляющейся, например, у детей на биологическом уровне в дисфункции гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы, что приводит к повышению риска пост-

травмы имеют предыдущий опыт его переживания (Pervanidou, 2008). Последние достижения в области исследования биологических процессов, связанных с психотравмой, представляют, по мне-

нию зарубежных коллег, одно из перспективных направлений дальнейшей разработки проблемы.

Проблема интеграции моделей и возможности культурно-исторического подхода

Трудность изучения проблемы психологических последствий серьезных массовых бедствий для подрастающего поколения, ее многоаспектность, о которой речь шла выше, в настоящее время обуславливает частичную разработанность и разнообразие исследовательских моделей, нередко встречающуюся противоречивость делаемых на их основе выводов. Уже само существующее многообразие подходов к пониманию травматическо-

Вероятность того, что система регуляции стресса может меняться в зависимости от времени, когда случилась травматическая ситуация, и ее продолжительности, дает основания считать, что дети, столкнувшиеся с травмой или попавшие в длительную стрессовую ситуацию в раннем возрасте, могут стать более уязвимыми к последующему стрессу

травматических стрессовых расстройств (ПТСР), навязчивых или не интегрированных воспоминаний о травмирующих событиях (Yehuda & Harvey, 1997).

Вероятность того, что система регуляции стресса может меняться в зависимости от времени, когда случилась травматическая ситуация, и ее продолжительности, дает основания считать, что дети, столкнувшиеся с травмой или попавшие в длительную стрессовую ситуацию в раннем возрасте, могут стать более уязвимыми к последующему стрессу. Возможно также, что нетипично низкий уровень кортизола у детей старшего возраста или взрослых после травматического события можно наблюдать среди лиц, ко-

го опыта и различных вызванных им расстройств требует систематического анализа. С нашей точки зрения, наиболее конструктивный тип анализа в данном случае – культурно-исторический анализ. В него будет включена также социология соответствующих знаний о травматическом опыте и его последствиях (в том числе психофизиологические знания), их культурология, уяснение социокультурной опосредованности клинико-психологических моделей и теоретических представлений (Бурлакова, Олешкевич, 2012; Парадигмы социологии знания, 2007; Порус, 2007).

Решение вопроса о том, как готовить детей к жизни в современном общест-

ве, неотъемлемой частью которого стала угроза социо-антропогенных катаклизмов, техногенных, природных и пр. бедствий, явственно требует более широкой интегративную платформу. Разработка культурно-исторического подхода к данной проблеме может выступить основанием для интеграции как выше-названных, так и прочих существующих теоретических взглядов, углубляя представления о предмете исследования. Например, в основе адаптации к массовым бедствиям лежит не только процесс психофизиологического приспособления к резко изменившимся обстоятельствам окружающей среды, но и процесс при-

что излишне опекаемые дети с присущей им конфигурацией Я, склонны к получению различных психических травм, в связи с этим возрастает риск возникновения и усугубления у них различного рода психических расстройств. Поэтому, при изучении влияния травматического события на психическое функционирование внимание психологов все чаще концентрируется на нарциссических чертах, которые в своих острых проявлениях являются предикторами ПТСР. Это было выявлено в одном из исследований у жителей Израиля после подверженности их событиям, связанным с войной – симптомы ПТСР наблюдались

и реабилитации пострадавших, современные исследователи и практики все чаще «бессознательно» возвращаются к идеям, сформулированным А. Адлером, нередко утрачивая и забывая их изначальный источник.

Высокий уровень опеки и иные вытекающие отсюда особенности отношения взрослых к ребенку являются культурно-исторически заданными нормами поведения в эпоху детоцентризма, характерного для западных обществ. Их образцы, с одной стороны, задаются культурой воспитания и образами ребенка в культуре, а с другой – определяются нормами психического развития самих детей. Культурно-исторические условия развития ребенка являются разными в различных культурах. Они отличаются также и в одной культуре, если учитывать существующие и развивающиеся в ней отдельные субкультуры.

Таким образом, с одной стороны, проблему устойчивости детей к внезапным стрессовым факторам можно определить в чисто психологических терминах как толерантность ребенка к фрустрации в целом. С другой стороны, психическая толерантность к фрустрации является культурно-историческим образованием, в своей основе она шаг за шагом формируется в культуре. Это значит, что существует принципиальная возможность управления становлением этой психической реальности в ходе воспитания и обучения детей в обществе, где явственно озвучена задача перехода к «целенаправленному проектированию и созданию необходимых условий развития и предвосхищающей компенсации социальных рисков развития детства» (Карабанова, 2010, С. 60).

Культурно-историческая психология возраст и гендер рассматривает как культурно-исторические образования (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, И.С. Кон и др.). Известно, что психологический возраст принципиально отличается от биологического, физического возраста. Кроме того, в разных культурах психологический возраст может определяться совершенно по-разному. Это же относится и к гендерным различиям. Становясь на точку зрения социального конструктивизма, можно сказать, что такие различия являются, прежде всего, культурными раз-

Разработка культурно-исторического подхода к данной проблеме может выступить основанием для интеграции как выше-названных, так и прочих существующих теоретических взглядов, углубляя представления о предмете исследования

способления «к себе», к своим внутренним переживаниям (их восприятие, переработка, оценивание). При этом важно, чтобы они не сковывали индивидуума, но способствовали организации его жизнедеятельности. Это сопряжено с деятельностью в поисках смысла происшедшего с привлечением других окружающих людей. В таком случае речь идет о постоянном задействовании неких культурных способностей, культурно-исторических смыслов, содержаний и механизмов, сопровождающих весь этот процесс. Можно сказать, что у ребенка и его социального окружения существует некоторая общепсихологическая готовность к культурному генезу, в соответствии с которой та или иная непредвиденная болезненная ситуация получает свое развитие в восприятии и последующей психологической переработке.

Одной из центральных особенностей психического развития ребенка, которая имеет непосредственное отношение к посттравматическим стрессовым расстройствам, является толерантность психики к фрустрации. Эту психическую особенность детей можно рассматривать также и с системной культурно-исторической точки зрения.

Поясним эту особенность психического развития ребенка, обращаясь к одному примеру. Так, многочисленные клинические наблюдения свидетельствуют,

и спустя месяц, и спустя 4 месяца (Bachar, Nadar, Shalev, 2005). Этот же результат нашел свое подтверждение и в более поздних исследованиях. Полученные данные демонстрируют, что уровень личностного функционирования, отображаемый, в том числе, посредством острой выраженности нарциссических черт, в сочетании с пережитым стрессом (а не собственно стресс как таковой), создают условия для развития ПТСР. Соответственно, одно из центральных значений для прогноза последствий массовых травм и восстановления после них имеет ранее сложившийся характер личности. В этом контексте особая роль принадлежит концепции избалованного ребенка А. Адлера, важной для понимания нарциссической личности (Олешкевич, 2016). Понятие «избалованный ребенок» в данном случае – это не просто констатация результата, это указание на процесс социальных взаимодействий, приводящий к формированию личности такого типа, на свойственные ей «повреждения Я», низкую толерантность к фрустрации и пр. (Олешкевич, 2016). Эти идеи представляются важными в контексте обсуждения актуальных вопросов, касающихся возможных профилактических вмешательств, времени, когда они должны начинаться и т.д. Отметим, что в пылу дискуссий о вопросах организации профилактических вмешательств

личиями, возникшими внутри культуры, и так их важно понимать и реконструировать. Это означает, что и толерантность к фрустрации (готовность адекватно реагировать на необычные и стрессовые ситуации в модусе позитивном и развивающем самого ребенка) является фактором культурно-историческим, а, значит, подверженным управлению и культурному «выращиванию» в соответствии с некоторым уровнем требований, ценностей, которые предъявляет современная культура к растущему человеку. Более того, можно ставить конкретные задачи по созданию психологически грамотной концентрации необходимых для «впитывания» идей, содержаний и навыков в ходе воспитания и обучения, нацеленных на преодоление различного рода фрустраций, способов реагирования в них, активной помощи себе и другим и соответствующих им ценностей. Их надо ставить на каждом возрастном этапе, начиная с детского сада, с учетом возможностей и особенностей развития ребенка. Например, можно ставить задачу воспитания у детей высокой толерантности к различным фрустрациям. Однако в данном случае эта стратегия принципиально отличается от вышеупомянутых «тренировочных воздействий», которые зачастую могут сами по себе провоцировать травматические расстройства, фиксировать детей на травматическом опыте и т.п. В противовес «тренировочным воздействиям» в данном случае подчеркивается возможность формирования такого психического образования, как толерантность к фрустрации, которая «извне» должна быть описана именно в культурно-исторических понятиях, а «изнутри» – представлять собой устойчивое психическое качество, отражать особенности личностной идентичности ребенка, способы реагирования, включающие в себя определенные характеристики эмпатии и пр.

Профилактические вмешательства с учетом реалий сегодняшней жизни могут начинаться задолго до того, как ребенок приходит в школу. Здесь важна единая ценностная установка родителей и воспитателей в отношении общего принципа жизнедеятельности, важно осмысленно отказаться от культивирования пассивности, изнеженности, избалованности, сверхзащищенности де-

тей, потакания им, поскольку именно эти действия резко снижают общий потенциал устойчивости к фрустрации любого типа. В дальнейшем важно не превращать профилактические вмешательства в чисто информационную подготовку, как это часто происходит на известных курсах по обеспечению безопасности жизнедеятельности. Цепочка «вхождение в ситуацию – обработка и разбор ситуации на уровне словесной модели – мышление» должна сопровождаться правильной расстановкой акцентов в обучении. Важно задействовать механизмы самосознания каждого участника, возможности личного преодоления, само-

Толерантность к фрустрации (готовность адекватно реагировать на необычные и стрессовые ситуации в модусе позитивном и развивающем самого ребенка) является фактором культурно-историческим, а, значит, подверженным управлению и культурному «выращиванию» в соответствии с некоторым уровнем требований, ценностей, которые предъявляет современная культура к растущему человеку

уважения и уверенности в себе («смог справиться»). Только в этом случае удастся уйти от риска прямого внушения страха, нагнетания опасностей и связанной с этим угрозы травматизации к концентрации внимания на развитии сбалансированной и действенной личностно-эмоциональной позиции в сложных условиях современной жизни.

Речь идет о последовательном и продуктивном формировании соответствующих идентификаций, активностей и ориентаций, которые органически включены в схемы развития самосознания ребенка. Это может стать психологической подготовкой такого типа, которая осуществляется не локально на материале отдельных видов травматического опыта, и выступает не в качестве временной «прививки», но встроена изначально в общий план организации развития ребенка. Этот план предполагает, что изнутри развития самосознания ребенка вырастает готовность и возможность испытания себя в различных непривычно-стрессовых ситуациях, потребность в преодолении различного рода трудностей, возникающих на пути развития индивидуальности, а также готовность к ответу в нестандартных ситуациях и к ответственности за свои поступки в целом. Нужно отметить, что в зарубежной науке развивается идея,

близкая по смыслу к изложенной в данной статье, в рамках концепции понимания современного детства (Зюнгер, Бюллер-Нидербергер, 2003).

Все обсуждаемые ранее исследования, затрагивающие различные аспекты влияния травматических событий на психику детей и подростков, несмотря на разный уровень их системности, все же так или иначе выполнены в рамках натуралистического подхода, касающегося как психологии, так и детства в целом. Мы полагаем, что культурно-исторический подход дает возможность более глубокой и системной диагностики травматизации детей в ситуации чрезвычайных событий и различно-

го рода бедствий. Этот подход также позволяет системно исследовать характер и особенности психотравматизации детей в определенном обществе, т.е. дает возможность поставить некоторый психологический диагноз обществу в целом и его концепции детства. Он предполагает систематический культурно-исторический анализ концепций различных возрастных групп в данном обществе, культурно-историческое понимание значимых сензитивных периодов детства данного сообщества, а также прогнозирование вероятностей психической травматизации детей в данном обществе (Карабанова, 2010). Это же относится и к возможности изучения толерантности к фрустрации у различных групп детей в данном обществе и его субкультурах, а также готовности этих групп детей выдерживать болезненно-стрессогенный опыт с минимальными потерями, без крайних разрушительных последствий. Можно предположить, что именно готовность ребенка противостоять травматическому опыту является своеобразным противоядием психической травматизации, поскольку последняя, как установил еще когда-то З. Фрейд, определяется именно внезапностью действия травматических факторов.

Культурно-исторический анализ в его прикладном применении к развитию ре-

Культурно-исторический подход может способствовать проектированию детства в значительной степени толерантного к возможностям психотравмирующих влияний, детства в контексте такой культурно-исторической психологии развития, которая включает в себя всевозможный стрессогенно-травматический опыт

бенка и к детству в целом может содействовать более точной диагностике характера травматизаций детского развития в современной культуре. С нашей точки

зрения, этот подход позволяет также системно организовывать помощь таким детям и их семьям. И, наконец, как уже говорилось, культурно-исторический подход

может способствовать проектированию детства в значительной степени толерантного к возможностям психотравмирующих влияний, детства в контексте такой культурно-исторической психологии развития, которая включает в себя всевозможный стрессогенно-травматический опыт, неизбежно сопровождающий современное общество, как внутренний фактор развития самосознания и индивидуальности человека.

Литература:

- Бурлакова Н.С. Психодинамика передачи травматического опыта от поколения к поколению в контексте культурно-исторической клинической психологии [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2016. – Т. 9. – № 45 : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1241-burlakova45.html> – (дата обращения 10.12.2017)
- Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Детский психоанализ. Школа Анны Фрейд. – Москва : Юрайт, 2016.
- Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Уровни культурно-исторического анализа в клинической психологии // Вопросы психологии. – 2012. – № 6. – С. 36–45.
- Гаспарян Х.В. Возрастно-психологические особенности переживания трудных жизненных событий (на примере армянских детей и подростков, переживших землетрясения и военные действия) : автореферат дисс. ... канд. психол. наук; [Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова]. – Москва, 2003.
- Ениколопов С.Н., Лебедев С.В., Бобосов Е.А. Влияние экстремального события на косвенных участников // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 6. – С. 73–81.
- Зинченко Ю.П., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков // Национальный психологический журнал – 2011. – № 2(6) – С. 98–111.
- Зюнгер Х., Бюлер-Нидербергер Д. От исследований социализации к социологии детства // Развитие личности. – 2003. – № 4. – С. 69–94.
- Карабанова О. А. Социальное конструирование детства // Образовательная политика. – 2010. – № 5–6. – С. 52–61.
- Олешкевич В.И. Психология, психотерапия и социальная педагогика А. Адлера. – Москва : Юрайт, 2016.
- Падун М.А. Регуляция эмоций и эмоциональная безопасность ребенка в семье // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6. – № 2. – С. 27–35. doi:10.17759/jmfr.2017060203
- Парадигмы социологии знания : хрестоматия / под общ. ред. В.Л. Шульца. – Москва : Наука, 2007.
- Портнова А.А. Типология посттравматического стрессового расстройства у детей и подростков // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2005. – № 12. – С. 9–12.
- Порус В.Н. Как возможна «социальная эпистемология»? // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. XIV. – № 4. – С. 39–42.
- Психология посттравматического стресса : практическое руководство. В 2 тт. / под ред. Н.В. Тарабриной. – Москва, 2007.
- Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шляпников В.Н. Психологические последствия террористического акта: опыт Беслана // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 6. – С. 15–25.
- Тарабрина Н.В. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) // Клиническая психология в 4 тт. : учебник / под ред. А.Б. Холмогоровой. Т. 2. Частная патопсихология. – Москва : Академия, 2012. – С. 229–266.
- Тарабрина Н.В., Быховцев Ю.В., Ворона О.А. Проблема психологического благополучия населения перед лицом террористической угрозы // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2009. – № 4. – С. 61–68.
- Тхостов А.Ш. Возможности и перспективы социальной патопсихологии. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2017. – №1. – С. 36–50.
- Юл У., Уильямс Р.М. Стратегия вмешательства при психических травмах, возникших вследствие масштабных катастроф // Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д.А. Лейна, Э. Миллера. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – С. 275–308.
- Vachar, E., Nadar, H., & Shalev, A.Y. (2005) Narcissistic vulnerability and the development of PTSD: A prospective study. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 19 (3), 762–765. doi: 10.1097/01.nmd.0000185874.31672.a5
- Becker-Blease, K.A., Turner, H.A., Finkelhor, D. (2010) Disasters, victimization and children's mental health. *Child Development*, 81(4), 1040–1052. doi: 10.1111/j.1467-8624.2010.01453.x
- Bonanno, G.A., Brewin, C.R., Kaniasty, K., & La Greca, A.M. (2010) Weighing the costs of disaster: consequences, risks, and resilience in individuals, families and communities. *Psychological Science in the Public Interest*, 11(1), 1–49. doi: 10.1177/1529100610387086
- Catani, C., Gewirtz, A.H., Wieling, E., Schauer, E., Elbert, T., & Neuner, F. (2010) Tsunami, war, and cumulative risk in the lives of Sri Lankan school children. *Child Development*. 81(4), 1175–1190.
- Cicchetti, D. (2010) Resilience under conditions of extreme stress: a multilevel perspective. *World Psychiatry*, 9(3), 145–154. doi: 10.1002/j.2051-5545.2010.tb00297.x

- Dybdahl, R. (2001) Children and mothers in war: an outcome study of a psychosocial intervention program. *Child Development*, 72(4), 1214–1230. doi: 10.1111/1467-8624.00343
- Furr, J.M., Comer, J.S., Edmunds, J.M., & Kendall, P.C. (2010) Disasters and youth: a meta-analytic examination of posttraumatic stress. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 78(6), 765–780. doi: 10.1037/a0021482
- Garmez, N., & Rutter, M. (1985) Acute reactions to stress. In *Child and Adolescent Psychiatry: Modern Approaches*, ed. M. Rutter, & L. Hersov, 152–176. Oxford, UK: Blackwell Sci. 2nd ed.
- Gleser, G., Green, B., & Winget, C. (1981) Prolonged Psychological Effects of Disaster: A Study of Buffalo Creek. New York: Academic.
- Green, B.L., Grace, M.C., Vary, M.G., Kramer, T.L., Gleser, G.C., & Leonard, A.C. (1994) Children of disaster in the second decade: a 17-year follow-up of Buffalo Creek survivors. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 33(1), 71–79. doi: 10.1097/00004583-199401000-00011
- Kronenberg, M.E., Hansel, T.C., Brennan, A.M., Lawrason, B., Osofsky, H.J., & Osofsky, J.D. (2010) Children of Katrina: lessons learned about post-disaster symptoms and recovery patterns. *Child Development*, 81(4), 1240–1258.
- La Greca A.M., & Silverman, W.K. (2009) Treatment and prevention of posttraumatic stress reactions in children and adolescents exposed to disasters and terrorism: What is the evidence? *Child Developmental Perspectives*, 3(1), 4–10.
- Laufer, A., & Solomon, Z. (2009) Gender, differences in PTSD in Israeli youth exposed to terror attacks. *Journal of Interpersonal Violence*, 24(6), 959–976. doi: 10.1177/0886260508319367
- MacFarlane, A.C., & Van Hooff, M. (2009) Impact of child exposure to disaster on adult mental health: 20-year longitudinal follow-up study. *The British Journal of Psychiatry*, 19(5), 142–148. doi: 10.1192/bjp.bp.108.054270
- MacFarlane, A.C. (1987) Posttraumatic phenomenon in a longitudinal study of children following natural disaster. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 26(5), 764–769. doi: 10.1097/00004583-198709000-00025
- Masten, A.S., & Cicchetti, D. (2010) Editorial. Developmental cascades: part 1. Development and Psychopathology, 22 (Spec. Issue 3), 491–495.
- Masten, A.S., & Osofsky, J.D. (2010) Disasters and their impact on child development: introduction to the special section. *Child Development*, 81(4), 1029–1039. doi: 10.1111/j.1467-8624.2010.01452.x
- Masten, A.S. (2011) Resilience in children threatened by extreme adversity: frameworks for research, practice, and translational synergy. *Development and Psychopathology*, 23(2), 141–154. doi: 10.1017/S0954579411000198
- Masten, A.S. (2012) Risk and resilience in development. In *Oxford Handbook of Developmental Psychology*, ed. P.D. Zelazo. New York: Oxford Univ. Press.
- McDermott, B.M., Lee, E.M., Judd, M., & Gibbon, P. (2005) Posttraumatic stress disorder and general psychopathology in children and adolescents following a wildfire disaster. *The Canadian Journal of Psychiatry*, 50(3), 137–143. doi: 10.1177/070674370505000302
- Norris, F.H., Friedman, M.J., Watson, P.J., Byrne, C.M., Diaz, E., & Kaniasty, K. (2002) 60,000 disaster victims speak: part I. An empirical review of the empirical literature, 1981–2001. *Psychiatry*, 65(3), 207–239.
- Otto, M.W., Henin, A., Hirshfeld-Becker, D.R., Pollack, M.H., Biederman, J., & Rosenbaum, J. (2007) Posttraumatic stress disorder symptoms following media exposure to tragic events: impact of 9/11 on children at risk for anxiety disorders. *Journal of Anxiety Disorders*, 21(7), 888–902. doi: 10.1016/j.janxdis.2006.10.008
- Patterson, G.R., Forgatch, M.S., & DeGarmo, D.S. (2010) Cascading effects following intervention. *Development and Psychopathology*, 22(4), 941–970. doi: 10.1017/S0954579410000568
- Perelygina E.B., Rikel A.M., Dontsov A.I. (2017). The subjective well-being of a person as a prism of personal and socio-psychological characteristics. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 185–194. doi: 10.11621/pir.2017.0416
- Pervanidou, P. (2008) Biology of post-traumatic stress disorder in childhood and adolescence. *Journal of Neuroendocrinology*, 20, 632–638. doi: 10.1111/j.1365-2826.2008.01701.x
- Qouta, S., Punamaki, R.-L., & El Sarraj, E. (2008) Child development and family mental health in war and military violence: the Palestinian experience. *International Journal of Behavioral Development*, 32(4), 310–321. doi: 10.1177/0165025408090973
- Terr, L.C. (1991) Childhood traumas: An outline and overview. *American Journal of Psychiatry*, 148(8), 10–20.
- Yehuda, R., Engel, S.M., Brand, S.R., Seckl, J., Marcus, S.M., & Berkowitz, G.S. (2005) Transgenerational effects of posttraumatic stress disorder in babies of mothers exposed to the World Trade Center attacks during pregnancy. *The Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism*, 90(7), 4115–4118. doi: 10.1210/jc.2005-0550
- Yehuda, R., & Harvey, P. (1997) Relevance of neuroendocrine alterations in PTSD to memory-related impairments of trauma survivors. In *Recollections of Trauma*. ed. D.J. Read, & S.D. Lindsay, 221–252. New York: Plenum.

References:

- Bachar, E., Hadar, H., & Shalev, A.Y. (2005) Narcissistic vulnerability and the development of PTSD: A prospective study. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 19 (3), 762–765. doi: 10.1097/01.nmd.0000185874.31672.a5
- Becker-Blease, K.A., Turner, H.A., Finkelhor, D. (2010) Disasters, victimization and children's mental health. *Child Development*, 81(4), 1040–1052. doi: 10.1111/j.1467-8624.2010.01453.x
- Bonanno, G.A., Brewin, C.R., Kaniasty, K., & La Greca, A.M. (2010) Weighing the costs of disaster: consequences, risks, and resilience in individuals, families and communities. *Psychological Science in the Public Interest*, 11(1), 1–49. doi: 10.1177/1529100610387086
- Bronfenbrenner, 1979. *The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Burlakova, N.S. (2016) Psychodynamics of transmission of traumatic experience from generation to generation in the context of cultural and historical clinical psychology. [*Psikhologicheskie issledovaniya*], 9(45). Retrieved from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1241-burlakova45.html> (accessed: 10.12.2017)

- Burlakova, N.S., & Oleshkevich, V.I. (2016) Child psychoanalysis. Anna Freud's School. Moscow, Izdatel'stvo Yurayt, 284.
- Burlakova, N.S., & Oleshkevich, V.I. (2012) Levels of cultural historical analysis in clinical psychology. [Voprosy psikhologii], 6, 36–45.
- Catani, C., Gewirtz, A.H., Wieling, E., Schauer, E., Elbert, T., & Neuner, F. (2010) Tsunami, war, and cumulative risk in the lives of Sri Lankan school children. *Child Development*, 81(4), 1175–1190.
- Cicchetti, D. (2010) Resilience under conditions of extreme stress: a multilevel perspective. *World Psychiatry*, 9(3), 145–154. doi: 10.1002/j.2051-5545.2010.tb00297.x
- Dybdahl, R. (2001) Children and mothers in war: an outcome study of a psychosocial intervention program. *Child Development*, 72(4), 1214–1230. doi: 10.1111/1467-8624.00343
- Enikolopov, S.N., Lebedev, S.V., & Bobosov, E.A. (2004) Influence of an extreme event on indirect participants. [Psikhologhesliy zhurnal], 25(6), 73–81.
- Furr, J.M., Comer, J.S., Edmunds, J.M., & Kendall, P.C. (2010) Disasters and youth: a meta-analytic examination of posttraumatic stress. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 78(6), 765–780. doi: 10.1037/a0021482
- Garnezy, N., & Rutter, M. (1985) Acute reactions to stress. In *Child and Adolescent Psychiatry: Modern Approaches*, ed. M. Rutter, & L. Hersov, 152–176. Oxford, UK: Blackwell Sci. 2nd ed.
- Gasparyan, Kh.V. (2003) Age-based developmental psychological characteristics of individuals who experience difficult life events (based on the case of Armenian children and adolescents who survived earthquakes and military actions). Ph.D. in Psychology, thesis. [Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M.V. Lomonosova], Moscow.
- Gleser, G., Green, B., & Winget, C. (1981) Prolonged Psychological Effects of Disaster: A Study of Buffalo Creek. New York: Academic.
- Green, B.L., Grace, M.C., Vary, M.G., Kramer, T.L., Gleser, G.C., & Leonard, A.C. (1994) Children of disaster in the second decade: a 17-year follow-up of Buffalo Creek survivors. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 33(1), 71–79. doi: 10.1097/00004583-199401000-00011
- Karabanova, O.A. (2010) Social construction of childhood. [Obrazovatel'naya politika], 5–6, 52–61.
- Kronenberg, M.E., Hansel, T.C., Brennan, A.M., Lawrason, B., Osofsky, H.J., & Osofsky, J.D. (2010) Children of Katrina: lessons learned about post-disaster symptoms and recovery patterns. *Child Development*, 81(4), 1240–1258.
- La Greca A.M., & Silverman, W.K. (2009) Treatment and prevention of posttraumatic stress reactions in children and adolescents exposed to disasters and terrorism: What is the evidence? *Child Developmental Perspectives*, 3(1), 4–10.
- Laufer, A., & Solomon, Z. (2009) Gender, differences in PTSD in Israeli youth exposed to terror attacks. *Journal of Interpersonal Violence*, 24(6), 959–976. doi: 10.1177/0886260508319367
- MacFarlane, A.C., & Van Hooff, M. (2009) Impact of child exposure to disaster on adult mental health: 20-year longitudinal follow-up study. *The British Journal of Psychiatry*, 19(5), 142–148. doi: 10.1192/bjp.bp.108.054270
- MacFarlane, A.C. (1987) Posttraumatic phenomenon in a longitudinal study of children following natural disaster. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 26(5), 764–769. doi: 10.1097/00004583-198709000-00025
- Masten, A.S., & Cicchetti, D. (2010) Editorial. Developmental cascades: part 1. *Development and Psychopathology*, 22 (Spec. Issue 3), 491–495.
- Masten, A.S., & Osofsky, J.D. (2010) Disasters and their impact on child development: introduction to the special section. *Child Development*, 81(4), 1029–1039. doi: 10.1111/j.1467-8624.2010.01452.x
- Masten, A.S. (2011) Resilience in children threatened by extreme adversity: frameworks for research, practice, and translational synergy. *Development and Psychopathology*, 23(2), 141–154. doi: 10.1017/S0954579411000198
- Masten, A.S. (2012) Risk and resilience in development. In *Oxford Handbook of Developmental Psychology*, ed. P.D. Zelazo. New York: Oxford Univ. Press.
- McDermott, B.M., Lee, E.M., Judd, M., & Gibbon, P. (2005) Posttraumatic stress disorder and general psychopathology in children and adolescents following a wildfire disaster. *The Canadian Journal of Psychiatry*, 50(3), 137–143. doi: 10.1177/070674370505000302
- Norris, F.H., Friedman, M.J., Watson, P.J., Byrne, C.M., Diaz, E., & Kaniasty, K. (2002) 60,000 disaster victims speak: part I. An empirical review of the empirical literature, 1981–2001. *Psychiatry*, 65(3), 207–239.
- Oleshkevich, V.I. (2016) Psychology, psychotherapy and social pedagogy of A. Adler. Moscow, Izdatel'stvo Yurayt.
- Otto, M.W., Henin, A., Hirshfeld-Becker, D.R., Pollack, M.H., Biederman, J., & Rosenbaum, J. (2007) Posttraumatic stress disorder symptoms following media exposure to tragic events: impact of 9/11 on children at risk for anxiety disorders. *Journal of Anxiety Disorders*, 21(7), 888–902. doi: 10.1016/j.janxdis.2006.10.008
- Padun, M.A. (2017) Regulation of emotions and emotional safety in the child in the family [Sovremennaja zarubezhnaja psihologija], 6(2), 27–35. doi: 10.17759/jmfp.2017060203
- Patterson, G.R., Forgatch, M.S., & DeGarmo, D.S. (2010) Cascading effects following intervention. *Development and Psychopathology*, 22(4), 941–970. doi: 10.1017/S0954579410000568
- Perelygina E.B., Rikel A.M., Dontsov A.I. (2017). The subjective well-being of a person as a prism of personal and socio-psychological characteristics. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 185–194. doi: 10.11621/pir.2017.0416
- Pervanidou, P. (2008) Biology of post-traumatic stress disorder in childhood and adolescence. *Journal of Neuroendocrinology*, 20, 632–638. doi: 10.1111/j.1365-2826.2008.01701.x
- Portnova, A.A. (2005) Typology of posttraumatic stress disorder in children and adolescents. [Zhurnal Nevrologii i Psihiatrii], 12, 9–12.
- Porus, V.N. (2007) How can “social epistemology” be possible? [Epistemologiya i filosofiya nauki]. Vol. XIV(4), 39–42.
- Qouta, S., Punamaki, R.-L., & El Sarraj, E. (2008) Child development and family mental health in war and military violence: the Palestinian experience. *International Journal of Behavioral Development*, 32(4), 310–321. doi: 10.1177/0165025408090973
- Schultz, V.L. (Ed.) (2007) Paradigms of knowledge sociology: reader. Moscow, Nauka.

- Tarabrina, N.V. (Ed.) (2007) Psychology of post-traumatic stress. A practical guide: in 2 vols. Moscow.
- Soldatova, G.U., Shaigerova, L.A., & Shlyapnikov, V.N. (2008) Psychological consequences of the terrorist act: the experience of Beslan [*Psikhologicheskii zhurnal*], 29, 15–25.
- Tarabrina, N.V. (2012) Post-traumatic stress disorder (PTSD). [Klinicheskaya psihologiya]. Textbook for students of higher education. In 4 vols. Vol.2. Private psychopathology. Moscow, Izdatel'skiy Tsentr «Akademiya», 229–266.
- Tarabrina, N.V., Bykhovets, Yu.V., & Vorona, O.A. (2009) The issue of psychological well-being of the population in the face of a terrorist threat. [*Uchenye zapiski ZabGU*]. Series: Philosophy, sociology, culturology, social work, 4, 61–68.
- Terr, L.C. (1991) Childhood traumas: An outline and overview. *American Journal of Psychiatry*, 14(8), 10–20.
- Tkhostov, A.Sh. (2017) Possibilities and prospects of social psychopathology. [Vestnik Moskovskogo universiteta]. Series 14. Psychology, 1, 36–50.
- Yehuda, R., Engel, S.M., Brand, S.R., Seckl, J., Marcus, S.M., & Berkowitz, G.S. (2005) Transgenerational effects of posttraumatic stress disorder in babies of mothers exposed to the World Trade Center attacks during pregnancy. *The Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism*, 90(7), 4115–4118. doi: 10.1210/jc.2005-0550
- Yehuda, R., & Harvey, P. (1997) Relevance of neuroendocrine alterations in PTSD to memory-related impairments of trauma survivors. In *Recollections of Trauma*. ed. D.J. Read, & S.D. Lindsay, 221–252. New York: Plenum.
- Yul, U., & Uilyame, P.M. (2001) The intervention strategy for mental trauma caused by large-scale disasters. [*Detskaya i podrostkovaya psikhoterapiya*]. St. Petersburg, Piter, 275–308.
- Zinchenko, Yu.P., Soldatova, G.U., & Shaigerova, L.A. (2011) Terrorist act as an extreme situation in a society of risks. *National psychological journal*, 2, 98–111.
- Zünker, H., & Buhler-Niederberger, D. (2003) From the studies of socialization to the sociology of childhood. [*Razvitie lichnosti*], 4, 69–94.